

Тан Шэнь усмехнулся. Хулиган стиснул зубы, но не посмел шевельнуться.

Эта сцена выглядела на редкость странно. Любой прохожий пришел бы в недоумение, увидав, как орава семнадцати-восемнадцатилетних лоботрясов оцепенела от страха перед двенадцатитринадцатилетним подростком. Однако если бы они знали, как два месяца назад этот самый малец с кухонным ножом в руках гнал всю банду от восточной окраины деревни до самой западной, то ничуть бы не удивились.

Тот хулиган до сих пор помнил Тан Шэня в тот день. Мальчишка был худой как щепка, кожа да кости, но его глаза горели яростью, точно у безумного дьявола. Сжимая в руке кухонный нож, он с неопишуемой свирепостью преследовал их. Тан Шэнь отступил лишь тогда, когда они в ужасе прыгнули в реку, спасая свои жизни.

Сючай Тан скончался год назад, оставив брата и сестру из семьи Тан совсем одних, без какой-либо поддержки и опоры. Деревенские хулиганы то и дело задирали сирот, и раньше те сносили обиды молча, но два месяца назад Тан Шэнь едва не умер от тяжелой болезни, а оправившись, стал будто совсем другим человеком.

Он больше не был робким и боязливым. Сначала он припугнул хулиганов, затем заслужил расположение Учителя Цзэн. Но самым удивительным оказалось то, что он обобрал никому не нужное дерево с кислыми плодами у своего дома и приготовил из них диковинный яблочный сок. Кисло-сладкий напиток прекрасно освежал в летний зной, и торговля в деревне пошла на лад.

Супруги, владевшие чайной лавкой, пожалели сирот и разрешили им поставить лоток с соком прямо у входа. Много ли сока могут нацедить двое детей? Убытка их торговле это не приносило, к тому же так было проще присматривать за ребятами.

Девочка доела прохладное рисовое пирожное:

— Тан Шэнь, ты сегодня утром относил сок старосте?

— Ну да, а что?

— Но ведь чашка этого сока стоит целых два медных гроша! — Она сокрушалась о страшных убытках.

К прилавку подошел покупатель. Тан Шэнь налил ему чашку яблочного сока и, обернувшись к сестре, ответил:

— Что ты понимаешь, Тан Хуан. Это называется рекламой.

А-Хуан рассердилась:

— Какая еще реклама? По мне, ты просто щедрый прислужник при богине Гуаньинь! И вообще, мне кажется, у тебя лицо становится каким-то странным, когда ты зовешь меня по имени. Раньше ты всегда звал меня А-Хуан, а не Тан Хуан.

Тан Шэнь с невозмутимым видом изрек:

— Мала еще, чтобы понимать. Это искусство.

К полудню жара усилилась, и в чайную лавку потянулось больше деревенских жителей.

Простой травяной чай стоил дешево, а яблочный сок — дороже, зато он был куда вкуснее и лучше спасал от зноя. Редкие покупатели все же заглядывали к сиротам, и этого вполне хватало, чтобы заработать на еду. К вечеру сок почти закончился, и Тан Шэнь начал собирать вещи.

Вдали на пыльной дороге у въезда в деревню показалась повозка. Она покачивалась на ходу, а ее колеса нутужно поскрипывали.

Деревня Чжаоцзя находилась на стыке дорог, связывающих несколько соседних селений, поэтому чужаки проходили здесь нередко. Однако запряженная лошадьми повозка оставалась редкостью — такую можно было увидеть едва ли раз в месяц. А-Хуан из любопытства подалась вперед, и Тан Шэнь тоже бросил взгляд в ту сторону.

Должно быть, из-за невыносимой жары повозка остановилась прямо перед чайной лавкой.

Полог приподнялся, и изнутри первым вышел молодой человек в простом синем халате прямого кроя. Спустившись, он тут же обернулся, чтобы помочь следовавшему за ним пассажиру. Следом из повозки неторопливо выбрался глубокий старик.

Он был очень стар, его виски поседели, но глаза горели живым огнем, а прямая осанка выдавала скрытое величие.

Простые крестьяне не могли понять, кто перед ними, но интуитивно чувствовали важность этого человека и не смели поднять на него глаз. Тан Шэнь же в прошлой жизни пересекался с высокопоставленными государственными деятелями, поэтому сразу распознал в старике властные манеры того, кто привык повелевать людьми. Взгляд Тан Шэня посерьезнел, и он осторожно присмотрелся к гостю.

— Иди домой, — негромко велел Тан Шэнь сестре.

— А? Но ведь сок еще остался, — удивилась А-Хуан.

— Сами выпьем.

— ...

— Тан Шэнь! Если ты предложишь и дальше так сорить добром, тыпустишь нас по миру!

Тан Шэнь подумал про себя: «С твоими-то сбережениями и пускать по миру нечего, там и на три лян лампового масла не наберется!»

От автора:

Тан Шэнь: Я вот думаю, у нас ведь и так ни гроша за душой.

Тан Хуан: Да лучше вообще не думай!

Старик с молодым спутником сели за стол в чайной лавке и заказали две чашки прохладного чая.

Тан Шэнь заканчивал собирать лоток, собираясь уходить. Вдруг он заметил, как один из местных хулиганов поднялся с места и направился в лавку. Это был заядлый воришка. Он крался бесшумно, заведя правую руку за спину, и постепенно приближался к приезжим.

— Не желаете ли соку?

Воришка опешил и замер на месте.

Тан Шэнь подошел к столу и поставил перед стариком и юношей две чашки сока. Затем он перевел спокойный, но предупреждающий взгляд на вора.

Тот стиснул зубы, помедлил секунду и, раздосадованный, поспешил убраться восвояси.

Старик негромко рассмеялся:

— Благодарю тебя, малый. Сколько с нас за этот сок? Мы с удовольствием снимем пробу.

Его лицо оставалось спокойным, а в глубине мудрых глаз читался огромный жизненный опыт.

Тан Шэня внезапно осенило:

— Вы обо всем знали?

Молодой человек в длинном халате усмехнулся:

— Хм, жалкий воришка. Попробовал бы он только прикоснуться к нашим вещам — мигом бы пожалел.

Тан Шэнь посмотрел на руки юноши и заметил на его ладонях, у основания большого пальца, плотные мозоли. Этот человек явно владел боевыми искусствами.

— Прощу простить мою дерзость, я лишь зря выставил себя глупцом перед мастерами, — со смущением произнес Тан Шэнь.

Старик пристально посмотрел на Тан Шэня, а затем обратился к сопровождавшему его юноше:

— У сока довольно необычный цвет, но вкус отменный. Отлично освежает в жару.

Молодой человек мгновенно все понял, достал увесистый кошель и, отсчитав четыре медные монеты, протянул их Тан Шэню.

Тан Шэнь поначалу отказывался от платы, но юноша настоял. Вскоре после этого старик и его спутник сели в повозку и уехали. Как только они скрылись из виду, к брату подбежала А-Хуан. Она забрала у него монеты и бережно спрятала их в свой издававший виды холщовый мешочек.

— Тебе дают деньги, а ты отказываешься! Ну и дурак же ты, Тан Шэнь!

— Но они дали всего четыре монеты.

— Ты что, совсем на солнце перегрелся? У нас ведь чашка сока стоит две монеты. Две чашки — как раз четыре монеты!

Тан Шэнь перевел взгляд на сестру, всем своим видом выражая досаду из-за ее недогадливости.

— «Великие люди часто пренебрегают щедрыми наградами».

— Чего? — переспросила Тан Хуан.

— И почему тебя зовут именно Тан Хуан?

— А что не так с моим именем? Какая связь между твоей глупостью и моим именем?

Тан Шэнь ничего не ответил, лишь буркнул под нос: «Сама ты глупая» — и пошел прочь. Девочка удивленно округлила глаза и тут же бросилась вдогонку, громко требуя объяснений.

Брат и сестра шли рядышком по узкой тропинке меж полей, неся за спинами бамбуковую корзину. Закат полыхал багрянцем и золотом, но вскоре быстро сгустились сумерки.

«Дон Жуан», песнь девятая, строфа шестая: «Великие люди часто пренебрегают щедрыми наградами».

То, что они заплатили ровно четыре монеты, означало, что старик и юноша заметили брата и сестру еще до того, как войти в чайную лавку, и знали цену сока. И хотя они видели, что сироты одеты в лохмотья и явно бедствуют, они все равно дали ровно четыре монеты. Это было проявлением благородства и истинного уважения.

Тан Шэнь тяжело вздохнул, глядя в небо.

«Лучше бы вы меня не уважали, а забросали деньгами до смерти!»

В расстроенных чувствах он вернулся домой, но, к счастью, там его уже ждали хорошие вести.

У дверей их дома уже давно дожидался староста в сопровождении какого-то мужчины. Тан Хуан инстинктивно посильнее прижала к себе маленькую корзинку, в которой оставалось еще несколько чашек сока. Глаза же Тан Шэня радостно блеснули. Он шагнул навстречу и вежливо поздоровался:

— Дядюшка староста!

Староста с улыбкой отозвался:

— Маленький лан Тан, только вернулся?

Местные жители при жизни величали Сюэя Тана «ланом Таном», а Тан Шэня прозвали «маленьким ланом Таном».

...Уж больно это напоминало «маленького богомола».

Услышав это прозвище, Тан Шэнь, который поначалу кривился от него, теперь не выказал и тени смущения. Он спросил:

— Дядюшка староста пришел ко мне по какому-то делу?

— В следующем месяце ярмарка уезда Усянь пройдет у нас, в деревне Чжаоцзя, — сообщил староста. — Твой сок невероятно вкусный, отлично утоляет жажду и спасает от жары. Я посоветовался с односельчанами, и мы решили заказать у тебя двадцать цзиней этого напитка, чтобы угостить соседей на ярмарке. Справишься? Разумеется, в обиде вас не оставим — заплатим целых две связки монет.

Глаза Тан Хуан округлились от изумления и радости.

Тан Шэнь же, будто предвидел такое развитие событий, спокойно согласился и пообещал

подготовить весь сок точно к началу ярмарки.

Как только староста ушел, А-Хуан от переполнявшего ее восторга запрыгала на месте:

— Тан Шэнь! Две связки монет — это же целых триста двадцать медных грошей! Нам теперь до конца года можно сок не продавать!

— А ты думала, зачем я целых восемь дней подряд бесплатно носил сок старосте?

— А? — растерялась Тан Хуан.

— Чтобы о товаре узнали, нужна реклама. Даже самое лучшее вино останется незамеченным в глухом переулке, если о нем никто не знает. Ладно, ступай разогрей мне цзунцзы, тогда и объясню.

Однако Тан Хуан даже не сдвинулась с места.

Пройдя несколько шагов, Тан Шэнь обернулся и посмотрел на сестру. Девочка хмурилась, о чем-то напряженно размышляя, и вдруг выпалила:

— Я поняла!

Тан Шэнь недоуменно вскинул брови:

— ?

«И что же ты там поняла?»

<http://bllate.org/book/18292/1754371>